DOI: 10.17976/jpps/2017.05.04

# "ПАРТИЯ НОЛЬ": РОССИЙСКИЕ ВЫБОРЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЭФФЕКТИВНОГО ЧИСЛА ПАРТИЙ

**И.С. Пасхина, К.О. Телин**

**ПАСХИНА Ирина Сергеевна,** магистрант факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Для связи с автором: politpaskhina@gmail.com; **ТЕЛИН Кирилл Олегович,** кандидат политических наук, научный сотрудник факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Для связи с автором: kirill.telin@gmail.com

Пасхина И.С., Телин К.О. "Партия ноль": российские выборы через призму эффективного числа партий. – Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 43-53. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.04

*Статья поступила в редакцию: 19.06.2017. Принята к печати: 05.07.2017*

**Аннотация.** Статья посвящена результатам отечественных парламентских выборов как на федеральном, так и на региональном уровне в 2003-2016 гг. Основу методологии исследования составляет использование индекса эффективного числа партий (согласно расчетам Лааксо-Таагеперы и Голосова), обозначающего степень политической конкуренции. В течение изучаемого периода авторами выделены четыре этапа, отражающие определенные тренды в развитии политической конкуренции. Предполагается, что трансформация электорального пространства от высокого уровня репрезентативности к ограниченному межпартийному соперничеству напрямую связана с ужесточением избирательного законодательства. В настоящее время политическая система склоняется к переходу в состояние "управляемой конкуренции". Несмотря на то что в выборах участвует относительно большое количество партий, ни одна из них не может составить реальной конкуренции правящей силе. Основываясь на статистике региональных выборов, авторы отмечают, что только Республика Карелия демонстрирует более или менее конкурентную среду – на последних выборах 2016 г. индекс эффективного числа партий составил 3,76. В целом анализ имеющейся электоральной статистики позволяет составлять так наз. электоральный портрет, который учитывает средне- и долгосрочные тенденции в электоральном процессе и отражает воздействие нормативных решений на регулируемую законодательством сферу деятельности.

**Ключевые слова**: политическая система; электоральный процесс; эффективное число партий; демократия; политический режим; партийная система.



Не первый год исследование российских выборов оценивается целым рядом экспертов едва ли не как профессиональная стезя героини Ольги Остроумовой из фильма "Гараж", которая, по выражению другого героя, "занималась тем, чего нет". Так, один из наиболее известных отечественных исследователей, Г.В. Голосов, указывает на фиктивный характер российской партийной системы[1], А.Е. Любарев полагает, что выборы в стране "не соответствуют своему конституционному предназначению" [Любарев 2013], а обозначение существующего в РФ режима как "электорального авторитаризма" нередко встречается в политологической литературе [см. напр. Гельман 2012].

[1] Голосов Г.В. 2009. Жизнь после смерти. – *Газета.ру.* 15.10. Доступ: https://www.gazeta.ru/comments/2009/10/15_x_3273249.shtml (проверено 12.06.2017).

Несмотря на то, что отечественные выборы действительно характеризуются изрядным объемом манипуляций и ухищрений [Mebein, Kalinin 2009, Бузин, Кынев, Любарев 2007] (ряд из которых, впрочем, довольно подробно описан в таких работах, как "Уши машут ослом" [Гусев и др. 2015] или "Политические технологии" [Малкин, Сучков 2006: 529]), в российском электоральном опыте все же могут быть найдены интересные моменты, заставляющие по-новому взглянуть на процессы политического развития современной России и имеющуюся у нее электоральную историю.

Так, при работе с большими объемами статистических данных, отражающих предпочтения населения и итоговое голосование, есть возможность в средне- и тем более долгосрочной перспективе обнаружить конкретные тенденции развития электорального процесса, слабо зависящие от тех же фальсификационных искажений. Более того, границы административного вмешательства в результат выборов по-прежнему являются предметом оживленной научной дискуссии, и встречающиеся цифры нередко заставляют оценивать масштаб фальсификаций довольно скромно. Разница между реальными и сфальсифицированными результатами "Единой России" на выборах в Государственную Думу РФ 2011 г. составила, по оценке, к примеру, исследователей из Российской экономической школы (New Economic School, Moscow) 11% [Enikolopov et al. 2013]. Но даже это не давало принципиального изменения результирующего расклада парламентских партий, и поэтому не могло послужить оправданием нежелания изучать электоральные показатели.

Накопление достоверной электоральной статистики представляется крайне важным и для оценки перспектив отечественной демократизации и партийной конкуренции. В.Я. Гельман в одной из работ делил интересующихся российской политикой на "пессимистов", "оптимистов" и "реалистов" [Гельман 2013]: пожалуй, использование достоверных социологических данных в состоянии сгладить крайности каждой из трех этих позиций.



Важно отметить, что наряду с прочими параметрами, используемыми для оценки электоральной динамики (наподобие статистического распределения [Казаков, Шестов 2014], а также методов Собянина-Суховольского или Шпилькина[2]), одним из интересных показателей, позволяющих оценить ее особенности и тренды, является так наз. эффективное число партий (ЭЧП). ЭЧП демонстрирует не номинальное количество участников выборов, а, учитывая их "вес" и значимость, предлагает исследователю работать с наиболее релевантными, реальными и полноценными участниками. Понятно, что, например, в Индии, где число зарегистрированных партий измеряется тысячами[3], настоящая конкуренция не может осуществляться между всеми участниками выборов; то же самое касается Израиля и России, Испании или ЮАР – эффективных соперников всегда меньше, чем позиций в бюллетенях и списках избирательных комиссий.

Для расчета эффективного числа партий в политической науке используется несколько формул. Классическим и широко применяемым является индекс, разработанный М. Лааксо и Р. Таагеперой и имеющий следующий вид:

[2] Статистический анализ итогов голосования. – *Межрегиональное объединение избирателей*. URL: http://www.votas.ru/virtcons10.html (проверено 12.06.2017).

[3] India Has 1866 Registered Political Parties: EC. – *The Times of India*. 09.08.2015. URL: http://timesofindia.indiatimes.com/india/India-has-1866-registered-political-parties-EC/articleshow/48410135.cms (accessed 31.07.2017).

$$N_{LT} = \frac{1}{\sum V_i^2},$$

где $V$ – доля голосов $i$-й партии [Laakso, Taagepera 1979: 4].

Данный индекс был положен в основу сравнительных и кросстемпоральных исследований, однако общепризнанной является его критика, отмечающая, что данный индекс включает малые партии, но при этом игнорирует эффект партии с наибольшим количеством голосов. Результатом решения проблемы стало предложение Х. Молинара, который учитывает поправку на положение партии, набравшей наибольшее количество голосов. В основе индекса Молинара находится показатель индекса Лааксо-Таагеперы, сама формула имеет следующий вид:

$$N_M = 1 + N\frac{\Sigma v_i^2 - v_1^2}{\Sigma v_i^2},$$

где $N$ – индекс Лааксо-Таагеперы, $v_1$ – доля голосов победившей партии [Molinar 1991: 1384]

Еще одна альтернативная формула расчета эффективного числа электоральных партий с учетом доминирования одной из них была предложена Г.В. Голосовым:

$$N_G = \sum \frac{n_i}{n_i + n_1^2 - n_i^2},$$

где $n_1$ – абсолютная доля голосов, которые получила партия-победитель, а $n_i$ – доля голосов $i$-й партии [Голосов 2012].

Вне зависимости от того, какой именно индекс берется на вооружение, у количественного показателя есть существенный недостаток – он слабо учитывает "местную специфику", электоральные "правила игры", которые различаются в разных странах. Более того, в такой сложной по своему устройству стране, как Россия, внимание к конкуренции, если рассматривать ее с позиций сколь-либо систематизированного анализа и исследования, требует работы с региональным и (в перспективе) даже муниципальным уровнем политического процесса.



Мы полагаем, что вопреки предостережениям Г.В. Голосова расчеты эффективного числа партий (ЭЧП) все же возможно использовать на региональном уровне – и полученные данные, вероятно, будут не менее интересны и показательны, чем межнациональные сопоставления.

## МЕТОДОЛОГИЯ

В данной работе использованы два индекса – Лааксо-Таагеперы и Голосова, что позволяет, во-первых, сравнить их значения и, во-вторых, снижает возможность ошибки в расчетах, так как чем больше взаимное отклонение между индексами, тем выше вероятность неточности. Корреляция между показателями двух индексов за три последних выборных цикла составила 0,98. Несмотря на взаимозаменяемость индексов, в основу дальнейшего анализа был положен только индекс Голосова, который учитывает эффект доминирующей партии и более точно в таком случае определяет показатель. Для сравнения см. табл. 1.

В рамках статистической базы исследования эффективное число партий по обоим индексам было рассчитано для 246 региональных кампаний, ограничивающихся периодом с 2003 по 2016 г. с учетом последних выборов. Ограничения периода 2003 г. связаны с принятием закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан

Российской Федерации", содержащего положение о распределении не менее 25% депутатских мандатов в региональных парламентах по партийным спискам (правка от 2013 г.: за исключением Москвы и Санкт-Петербурга).

*Таблица 1 (Table 1)*

**Сравнение значений индексов Лааксо-Таагеперы и Голосова по некоторым регионам**
*Comparison of the Values of Laakso-Taagepera and Golosov Indices in Some Regions*

| Регион / дата выборов | Количество партий | Показатель победившей партии, % | Индекс Лааксо-Таагеперы | Индекс Голосова |
|---|---|---|---|---|
| Татарстан / 2014 | 7 | 82,24 | 1,47 | 1,18 |
| Мордовия / 2016 | 5 | 83,7 | 1,41 | 1,2 |
| Тыва / 2014 | 7 | 84,03 | 1,4 | 1,18 |
| Чечня / 2016 | 4 | 87,66 | 1,29 | 1,15 |

Большинство регионов за данный период прошли три электоральных цикла по смешанной системе, чего достаточно для выявления взаимосвязей в голосовании за партийный список. Исключения составили присоединенные к России в 2014 г. Республика Крым и город федерального значения Севастополь, где прошел только один электоральный цикл. В виду различных причин по два электоральных цикла по смешанной системе прошли в следующих регионах:

– Бурятия (2007, 2013), Саха (Якутия) (2008, 2013), Краснодарский край (2007, 2012), Пензенская область (2007, 2012), Саратовская область (2007, 2012), Смоленская область (2007, 2013). *Причина*: пятилетний срок полномочий региональных законодательных собраний;



– Башкортостан (2008, 2013), Северная Осетия – Алания (2007, 2012), Удмуртия (2007, 2012), Кемеровская область (2008, 2013), Ростовская область (2008, 2013). *Причина*: в данных регионах срок полномочий регионального законодательного органа составляет также пять лет, но в отличие от предыдущих, здесь выборы были проведены в 2003 г. по мажоритарной системе до вступления в силу положения о включении партийного списка, по которому региональное законодательство должно было быть приведено в соответствии с федеральным законом к 14.07.2003);

– Забайкальский край (2008, 2013). *Причина*: образован в 2008 г. в процессе укрупнения регионов путем объединения Читинской области и Агинского Бурятского АО);

– Москва (2005, 2009). *Причина*: проведение выборов на мажоритарной основе в 2014 г.

Стоит отметить, что некоторые регионы оказались в обратной ситуации – в силу различных причин в них прошли по четыре и более электоральных цикла по смешанной системе. Среди таких регионов из-за проведения досрочных выборов оказались, к примеру, Мордовия (2007), Чечня (2008, 2016) и Амурская область (2008). Ингушетия и Алтайский край, одними из первых проведшие выборы по смешанной системе в 2003-2004 гг., также прошли четыре электоральных цикла.

Несколько регионов – Калининградская, Новосибирская, Псковская области – к 2003 г. уже имели опыт проведения выборов по пропорциональной системе в 2000-2002 гг. и ранее. Калининградская область практикует выборы в региональный парламент по пропорциональной системе с 1996 г., когда 5 из 32 депутатов избирались по партийному списку.

К этим же регионам можно отнести Красноярский край, где пропорциональная система на выборах в региональный законодательный орган применяется с 1997 г. (из 42 депутатов 20 избирались по партийным спискам).

Несмотря на богатый опыт региона в проведении выборов с участием партийных списков, в данной работе анализируются только результаты выборов за 2007-2016 гг. Указанное ограничение связано с "укрупнением" Красноярского края в 2007 г. путем присоединения к нему Таймырского и Эвенкийского автономных округов. Это же замечание относится к Камчатскому краю, образованному в 2007 г. путем объединения Камчатской области и Корякского автономного округа, и Пермскому краю, образованному в 2005 г. в ходе объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа.

Четыре электоральных цикла с партийным списком прошла Вологодская область из-за наличия функционировавшей на тот момент системы с ротацией половины депутатов в законодательном органе каждые два года. Такая же система ротации действовала с 1996 г. в областной думе Свердловской области, которая являлась одной из палат законодательного органа. Поэтому на данный момент Свердловская область, которая провела десять выборов по смешанной системе, выступает "рекордсменом" среди российских регионов.

Для части исследования, касающейся интерпретации результатов выборов в Государственную Думу (2003, 2007, 2011, 2016), было рассчитано эффективное количество электоральных партий по индексам Лааксо-Таагеперы и Голосова для всех субъектов. 14 регионов, где выборы в региональные парламенты совпали с федеральной кампанией, выведены в отдельную таблицу с сравнением этого же показателя в региональной кампании. В числе субъектов, где в 2007, 2011, 2016 гг. прошли выборы и в местное законодательное собрание, и в федеральный парламент, оказались республики Дагестан и Мордовия, Камчатский, Красноярский и Ставропольский края, Вологодская, Ленинградская, Московская, Мурманская, Орловская, Псковская, Самарская, Томская, Тюменская области.



Результаты эмпирического исследования, проведенного с использованием количественной методики подсчета эффективного числа партий, имеют свои сильные стороны и ограничения. При интерпретации большого количества числовых значений происходит в некотором смысле упрощение конкретной ситуации, сведение ее до "общего знаменателя" с другими. При этом всегда остается риск неверной интерпретации или игнорирования уникальных условий в конкретном случае. При работе с каждым отдельным регионом с целью отразить его политическое развитие или электоральный опыт данного исследования будет недостаточно – необходимо привлечение других количественных и качественных методов.

Сильной же стороной такого исследования является возможность выявить общие тенденции или направления развития избирательного процесса в России (особенно при большом количестве случаев), что и было предпринято в данной работе. По сути, последняя может быть "плацдармом" для других, более глубоких исследований.

## ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

На основе проведенного исследования, опирающегося, прежде всего, на индекс Голосова (ввиду его внимания к роли доминирующей партии), были получены следующие выводы.

Последние неполные два десятилетия российской политической истории (2000-2017) можно условно разделить на четыре временны*х* отрезка, отражающих определенные избирательные тенденции:

- 2003-2008 гг. – ужесточающие избирательные реформы;
- 2009-2010 гг. – "принудительная партизация";
- 2011-2013 гг. – либерализация электоральных норм;
- 2014 г. – по н.в. – тренд к управляемой конкуренции.

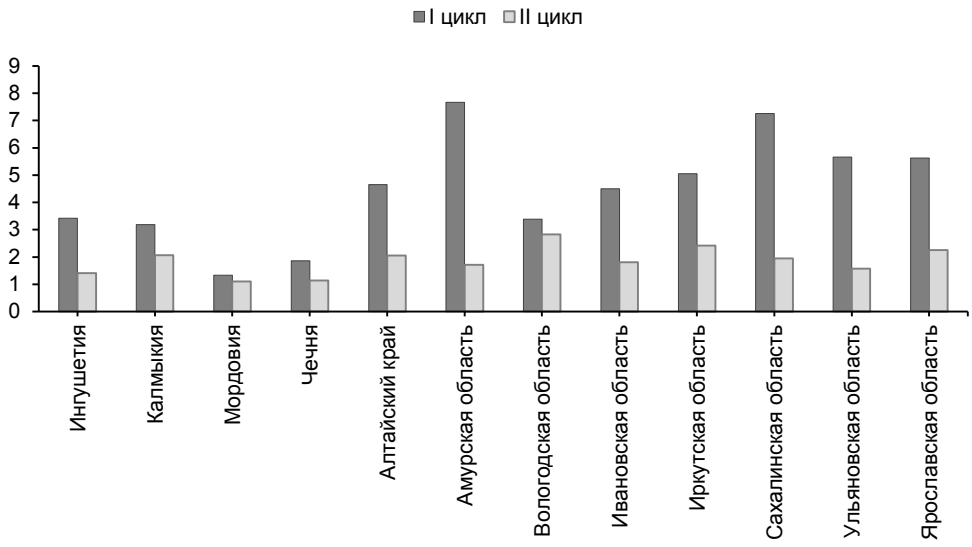
*Первый этап* (2003-2008 гг.) мы можем охарактеризовать как переходный от состояния партийной фрагментации к постепенному сужению и даже ограничению электорального выбора. К этому отрезку относится не менее двух "раундов" реформ [Борисов и др. 2015], которые резко ужесточили требования к участникам электорального процесса. По итогам предложений 2001-2002 гг. партии были утверждены в качестве единственных допущенных к выборам объединений, а их минимальная численность была установлена на уровне 10 тыс. чел., разделенных по региональным отделениям, охватывающим не менее половины субъектов федерации. В ходе цикла реформ 2004-2007 гг. законодательство еще более ужесточилось: минимальная численность партии была увеличена в пять раз, избирательный барьер вырос до семипроцентной отметки, нижний порог явки и графа "против всех" в бюллетенях были отменены. Кроме того, выборы в Государственную Думу были переведены на полностью пропорциональную основу с упразднением мажоритарных избирательных округов.

Все это не могло не сказаться на результатах выборов (за этот период прошли 2 федеральные и 102 региональные кампании): число участвовавших партий сократилось с 23 до 11, а показатель эффективного числа партий (по Голосову) снизился более чем вдвое – с 4,01 до 1,72. Вот как выглядят результаты реформирования в тех регионах, где успели пройти два электоральных цикла выборов в законодательные собрания:

*Рисунок 1 (Figure 1)*

**Сравнение значений эффективного числа партий для регионов, прошедших два электоральных цикла за 2003-2008 гг.**

*Comparison of the Effective Number of Parties for the Regions That Have Passed 2 Electoral Cycles in 2003-2008*




Верхняя кривая на рис. 1, обозначенная как I цикл, подразумевает под собой региональные кампании, которые прошли с 2003 по 2005 гг.; II цикл

уже включает в себя повторные кампании с 2006 по 2008 гг. На получившемся графике четко прослеживаются две тенденции: во-первых, во II цикле региональные показатели ЭЧП ниже, чем в I (что особенно заметно на примере Амурской или Сахалинской областей). Во-вторых, ко II циклу регионы подходят с практически идентичными значениями ЭЧП, в отличие от разнообразных показателей 2003-2005 гг.

*Второй этап* (2009-2010 гг.) характеризуется состоянием, которое Александр Кынев назвал "принудительной партизацией" [Кынев 2014: 13]: хотя на протяжении этого отрезка не инициировались масштабные изменения, общий тренд, заданный ранее, был продолжен (см. рис 2).

*Рисунок 2 (Picture 2)*

**Эффективное число партий на выборах в Государственную Думу в региональном разрезе (2003 и 2007 гг.)**

*The Effective Number of Political Parties in the Elections to the State Duma in Regional Perspective (2003 and 2007)*

2003 г.



Темным отмечены регионы, где индекс ЭЧП колеблется в районе 3; более низкий уровень (1 или 2 эффективные партии) обозначен светлыми оттенками.

2007 г.



Темным отмечены регионы с ЭЧП на уровне 1; светлым – ЭЧП на уровне 2; более высоких значений в стране на тот момент практически не наблюдалось.



По инициативе властей была унифицирована численность региональных парламентов, ограничено участие общественных объединений в местных выборах и произведена дальнейшая "ретушь" не слишком цельной картины. В этом легко убедиться, если обратить внимание на те кампании, которые были посвящены выборам в региональные парламенты (см. рис. 2).

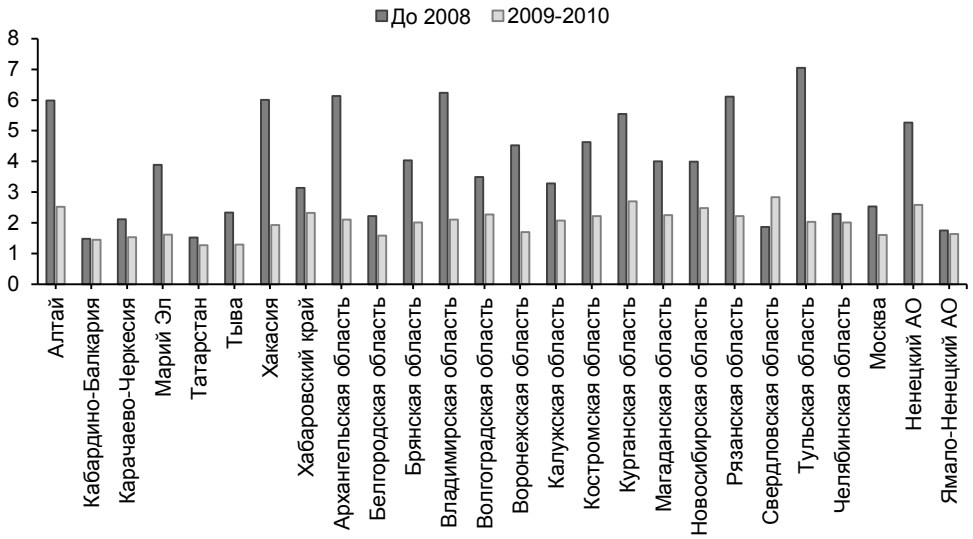
Очевидно, что данный график иллюстрирует тренд, начатый еще на первом этапе региональных трансформаций, а именно сближение значений ЭЧП от региона к региону (1) и в целом снижение этого показателя (2).

На *третьем этапе* (2011-2013 гг.) в функционировании пропорциональной системы происходит сбой, итогом которого становится некоторая либерализация "правил игры". Центральным событием выступает федеральная кампания 2011 г., когда, с одной стороны, результат "партии власти" оказался ниже ожидаемого (49,31 против 64,3%), а с другой, социальный протест привел к неожиданному увеличению конкуренции: показатель ЭЧП для всей страны увеличился с 1,72 до 2,38 (при том, что в разных регионах в качестве конкурирующей силы выступили разные партии). Сведение всего электорального выбора к семи партиям и отсутствие графы "против всех" привели к тому, что протест против власти и правящей партии выразился в кумуляции голосов вокруг системных оппозиционных партий.

*Рисунок 3 (Picture 3)*

**Сравнение значений эффективного числа партий для регионов, где выборы прошли в 2009-2010 гг.**

*Comparison of the Values of the Effective Number of Parties for the Regions That Held Elections in 2009-2010*






В этих условиях руководство государства пошло на ряд "избирательных уступок", снизив, к примеру, минимальную численность партии (причем сразу в десятки раз, до 500 чел.), отменив сбор подписей избирателей и даже вернув, пусть и в модифицированном виде, выборы глав регионов, отмененные в 2004 г. Можно заметить, в 2011-2013 гг. постепенно выросло число конкурирующих партий – причинами такого роста являлись как "инерционные" протестные настроения 2011 г., так и увеличение количества партий, допущенных к выборам, что привело к "размыванию" поддержки системных оппозиционных партий.

Показательно, что в случае с региональными кампаниями, прошедшими, к примеру, за последние пять лет (2011-2016 гг.), только один субъект Федерации – Республика Карелия – имеет относительно высокий показатель эффективного числа партий (3,76 по индексу Голосова и 4,96 по индексу Лааксо-Таагеперы). Ситуация в Карелии, где высок процент голосования за оппозиционные партии, выступает результатом как конкурентной обстановки в регионе, так и не вполне эффективных действий региональной власти, прежде всего бывшего губернатора А.П. Худилайнена. Примером слияния двух характеристик стал конфликт Худилайнена и мэра Петрозаводска Г.И. Ширшиной (до 2015 г. глава регионального центра избирался на прямых выборах).

*Четвертый этап* (2014-2016 гг.), который можно условно назвать "курсом на управляемую конкуренцию", характеризуется контрреформами, направленными не просто на закрепление эффекта "размытой конкуренции", но и на снижение реального участия в политике оппозиционных партий. Среди нововведений, способствующих этому, можно отметить возвращение требования на сбор подписей избирателей при выдвижении партии, постепенное ужесточение

регистрации определенных политических партий и переход к "лепестковой" нарезке избирательных округов, возвращенных в политическое поле. В результате, несмотря на формальный рост числа партий, участвующих в выборах, реальная конкуренция между ними возросла далеко не везде (см. табл. 2).

*Таблица 2 (Table 2)*

**Топ-10 наиболее и наименее конкурентных регионов Российской Федерации (по результатам выборов в Государственную Думу VII созыва)**

*The 10 Most and Least Competitive Regions of the Russian Federation (According to the Results of the 2003 Election to the State Duma of the Russian Federation)*

| Регион | | Значение ЭЧП | Регион | | Значение ЭЧП |
|---|---|---|---|---|---|
| 1 | Москва | 3,81 | 1 | Чечня | 1,04 |
| 2 | Алтайский край | 3,71 | 2 | Дагестан | 1,13 |
| 3 | Карелия | 3,65 | 3 | Татарстан | 1,19 |
| 4 | Костромская область | 3,62 | 4 | Мордовия | 1,2 |
| 5 | Вологодская область | 3,61 | 5 | Тыва | 1,23 |
| 6 | Омская область | 3,58 | 6 | Карачаево-Черкесия | 1,25 |
| 7 | Ярославская область | 3,54 | 7 | Кабардино-Балкария | 1,3 |
| 8 | Санкт-Петербург | 3,54 | 8 | Кемеровская область | 1,34 |
| 9 | Коми | 3,51 | 9 | Крым | 1,43 |
| 10 | Хабаровский край | 3,49 | 10 | Ингушетия | 1,47 |



Так, на последних выборах в Государственную Думу (2016 г.) при среднероссийском значении индекса ЭЧП 2,19 "региональное" значение показателя лишь в тридцати субъектах Федерации превысило 3 и *ни в одном регионе* не достигло 4 – хотя принято считать, что магическое значение "числа парламентских партий" отражает наличествующую в стране политическую конкуренцию. Лидером по уровню регионального соперничества предсказуемо оказалась Москва, ненамного от нее отстали Алтайский край и Карелия. Среди наименее конкурентных (а, следовательно, наиболее "монополизированных") субъектов столь же традиционно выделились национальные республики, в том числе северокавказские: Чечня, Дагестан и Татарстан.

Все эти этапы можно наблюдать и вне статистического материала – одно только обсуждение явки на мартовских выборах 2018 г. красноречиво свидетельствует об амбивалентности таких аспектов избирательного процесса, как конкуренция и электоральная активность. Тем не менее применение статистики дает весомые аргументы в пользу того, чтобы отметить: электоральные предпочтения граждан и политическая борьба на выборах как регионального, так и федерального уровня зависят от устанавливаемых избирательных норм. На примере реформ 2001-2002 или 2004-2007 гг. легко увидеть, что действующая власть всегда стремится отреагировать на саму возможность появления протестного голосования – и иногда готова использовать даже гротескную и при том половинчатую либерализацию, умножающую число номинальных участников выборов, но ни в коей мере не способствующую реальной их конкуренции. Вызывает удивление тот факт, что манипуляциям с законодательством не уделяется должное внимание. Если данная ситуация сохранится и в следующем избирательном цикле, характер отечественной избирательной системы действительно примет форму "управляемой конкуренции", что будет означать отсутствие реальной политической борьбы

и деградацию даже существующих сегодня партийных возможностей – так электоральный ландшафт может приблизиться даже не к единице по индексу ЭЧП, а к нулевому влиянию на развитие общества и государства.

Борисов Н.А., Коргунюк Ю.Г., Любарев А.Е., Михалева Г.М. 2015. *Партийная реформа и контрреформа 2012-2014 годов: предпосылки, предварительные итоги, тенденции*. М.: Издательство "Товарищество научных изданий "КМК". 200 с.

Бузин А.Ю., Кынев А.В., Любарев А.Е. 2007. *Мертвые души. Методы фальсификации итогов голосования и борьба с ними*. М.: Никколо М. 192 с.

Гельман В.Я. 2012. Режим, оппозиция и вызовы электоральному авторитаризму в России. – *Неприкосновенный запас*. № 4 (84). Доступ: http://www.nlobooks.ru/node/2578#sthash.4JXWckej.dpuf (проверено 12.06.2017).

Гельман В.Я. 2013. *Из огня да в полымя: российская политика после СССР*. СПб: БХВ-Петербург. 256 с.

Голосов Г.В. 2012. Партийные системы стран мира: Региональное и хронологическое распределение, модели устойчивости. – *Политическая наука*. № 3. С. 71-104.

Гусев Д.Г., Матвейчев О.А., Хазеев Р.Р., Чернаков С.Ю. 2015. *Уши машут ослом*. СПб.: Питер. 304 с.

Казаков А.А., Шестов Б.Н. 2014. Количественные методы оценки "справедливости" выборов: возможности и ограничения. – *Известия Саратовского университета. Серия "Социология, Политология"*. Т. 14. № 1. С. 108-111.

Кынев А.В. 2014. *Выборы региональных парламентов в России 2009 – 2013: от партизации к персонализации*. М.: Центр "Панорама". 728 с.

Любарев А.Е. 2013. Соответствуют ли российские выборы своему конституционному предназначению. – *Право и политика*. № 13. С. 1903-1915. DOI: https://doi.org/10.7256/1811-9018.2013.13.10158

Малкин Е.Б., Сучков Е.Б. 2006. *Политические технологии*. М.: ИИТ. 529 с.

Мебейн У., Калинин К. 2009. Электоральные фальсификации в России: комплексная диагностика выборов 2003-2004, 2007-2008 гг. – *Российское электоральное обозрение*. № 2. С. 57-70. Доступ: http://www-personal.umich.edu/~wmebane/falsificacii_reo.pdf (проверено 12.06.2017).

Enikolopov R., Korovkin V., Petrova M., Sonin K., Zakharov A. 2013. Field Experiment Estimate of Electoral Fraud in Russian Parliamentary Elections. – *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA*. Vol. 110. No. 2. P. 448-452. DOI: https://doi.org/10.1073/pnas.1206770110

Laakso M., Taagepera R. 1979. Effective Number of Parties: A Measure of Application to West Europe. – *Comparative Political Studies*. Vol. 12. No. 1. P. 3. DOI: https://doi.org/10.1177/001041407901200101

Molinar J. 1991. Counting the Number of Parties: An Alternative Index. – *The American Political Science Review*. Vol. 85. No. 4. P. 1383-1391. DOI: https://doi.org/10.2307/1963951



DOI: 10.17976/jpps/2017.05.04

## "PARTY ZERO": RUSSIAN ELECTIONS THROUGH THE PRISM OF THE EFFECTIVE NUMBER OF PARTIES

**I.S. Paskhina[1], K.O. Telin[1]**

*[1]Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia*

**PASKHINA Irina Sergeyevna,** master student, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. Email: politpaskhina@gmail.com; **TELIN** Kirill Olegovich, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Researcher, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. Email: kirill.telin@gmail.com

Paskhina I.S., Telin K.O. "Party Zero": Russian Elections Through the Prism of the Effective Number of Parties. – Polis. Political Studies. 2017. No. 5. P. 43-53. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.04

*Received: 19.06.2017. Accepted: 05.07.2017*

**Abstract.** The article focuses on the parliamentary election results at both federal and regional levels (2003-2016). The research is based upon the index of the effective number of parties (the Laakso-Taagepera index and Golosov index) and proposes that these indices demonstrate a certain extent of political and electoral competitiveness. For the period under review authors distinguish 4 consequent stages, which reflect trends in Russian electoral competition. After the adoption of amendments, which tightened Russia's electoral law, the electoral landscape transformed gradually from high levels of representativeness to limitation of inter-party competition through periods of "forced partization" and liberalization of electoral law. At the current stage (2013-2017) the system seeks to follow a tendency towards controlled competition. Thus, a relatively large number of parties take part in election (for instance, eleven parties were registered to participate in the 2016 election to the State Duma), but can't provide competition to the ruling party. Based on statistics for regional parliamentary elections, only the Republic of Karelia has demonstrated more or less competitive situation. It is also confirmed by the effective number of parties index, which at the last election (2016) amounted to 3,76. In general, despite the existing partial frauds in the election results, the analysis of electoral statistics allows to build a so-called "electoral portrait" that takes into account the medium- and long-term tendencies of the electoral process and, above all, the consequences of reforms in the respective field of legislation.

**Keywords:** political system; electoral process; effective number of parties; democracy; political regime; party system.

## References

Borisov N.A., Korgunyuk Yu.G., Lyubarev A.E., Mikhaleva G.M. *Partiinaya reforma i kontrreforma 2012-2014 godov: predposylki, predvaritel'nye itogi, tendentsii* [Party Reform and Counter-Reform in 2012-2014: Background, Preliminary Results, Trends]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdanii KMK. 2015. 200 p. (In Russ.)

Buzin A.Yu., Kynev A.V., Lyubarev A.E. *Mertvye dushi. Metody fal'sifikatsii itogov golosovaniya i bor'ba s nimi* [Dead Souls. Methods of Falsification of Results of Voting and Struggle Against Them]. Moscow: Nikkolo M. 2007. 192 p. (In Russ.)

Enikolopov R., Korovkin V., Petrova M., Sonin K., Zakharov A. Field Experiment Estimate of Electoral Fraud in Russian Parliamentary Elections. – *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA*. 2013. Vol. 110. No. 2. P. 448-452. DOI: https://doi.org/10.1073/pnas.1206770110

Gel'man V.Ya. *Iz ognya da v polymya: rossiiskaya politika posle SSSR* [Out of the Frying-Pan into the Fire]. Saint Petersburg: BKhV-Peterburg. 2013. 256 p. (In Russ.)

Gel'man V.Ya. The Regime, Opposition and Challenges to Electoral Authoritarianism in Russia. – *NZ*. 2012. No. 4. Vol. 84. (In Russ.) URL: http://www.nlobooks.ru/node/2578#sthash.4JXWckej.dpuf (accessed 12.06.2017).

Golosov G.V. Party Systems of the Word: Regional and Chronological Distribution, Patterns of Sustainability. – *Political Science (RU)*. 2012. No. 3. P. 71-104. (In Russ.)

Gusev D.G., Matveichev O.A., Khazeev R.R., Chernakov S.Yu. *Ushi mashut oslom* [Ears Wag the Ass]. Saint Petersburg: Piter. 2015. 304 p.

Kazakov A.A., Shestov B.N. Quantitative Methods of Evaluation of Election "Fairness": Opportunities and Limits. – *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya "Sotsiologiya, Politologiya"*. 2014. No. 1. Vol. 14. P. 108-111. (In Russ.)

Kynev A.V. *Vybory regional'nykh parlamentov v Rossii 2009-2013: ot partizatsii k personalizatsii* [Elections of Regional Parliaments in Russia (2009-2013): From Partitioning to Personalization]. Moscow: "Panorama" Centre. 2014. 728 p. (In Russ.)

Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: A Measure of Application to West Europe. – *Comparative Political Studies*. 1979. Vol. 12. No. 1. P. 3. DOI: https://doi.org/10.1177/001041407901200101

Lyubarev A.E. Do the Russian Elections Correspond to Their Constitutional Purpose? – *Law and Politics*. 2013. No. 13. P. 1903-1915. (In Russ.) DOI: https://doi.org/10.7256/1811-9018.2013.13.10158

Malkin E.B., Suchkov E.B. *Politicheskie tekhnologii* [Political Technologies]. Moscow: IIT. 2006. 529 p. (In Russ.)

Mebein U., Kalinin K. Electoral Falsifications in Russia: Comprehensive Diagnosis of 2003-2004, 2007-2008 Elections. – *Rossiiskoe elektoral'noe obozrenie*. 2009. No. 2. P. 57-70. (In Russ.) URL: http://www-personal.umich.edu/~wmebane/falsificacii_reo.pdf (acccessed 12.06.2017).

Molinar J. Counting the Number of Parties: An Alternative Index. – *The American Political Science Review*. 1991. Vol. 85. No. 4. P. 1383-1391. DOI: https://doi.org/10.2307/1963951